

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25.
2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 343.0

Лившиц Юзеф Максович,

доктор юридических наук, профессор,
Таллиннский технический университет
г. Таллин, Эстонская Республика
maksipoe@mai

Влияние уголовного закона на преступление

В Эстонии с 2002 года действует кодекс, называемый Karistusseadustik (сокращенно KarS). Концептуально и в нормативной своей ипостаси он заметно отличается от УК РФ. Сравнивая эти два закона, можно заметить, что для рассматриваемой темы играет существенную роль различие в понимании такого важного института уголовного права, как вина. Тем не менее, позитивистский взгляд на уголовное право РФ снимает это различие двух национальных систем.

Вопрос об превентивном влиянии закона на преступление можно рассматривать в трех аспектах: обычного права, правовых новаций и знаний, основанных на профессиональной культуре.

То обстоятельство, что незнание закона не освобождает от ответственности, не может рассматриваться как фактор, исключаящий интерес к вопросу о непосредственном влиянии уголовного закона на преступление. Первое важно на момент, когда лицо привлекают к ответственности. Второе может играть свою предупредительную роль, повлияв на решение лица не совершать преступления из-за боязни санкций, предусмотренных законом.

Ключевые слова: *уголовный закон, Уголовный кодекс Эстонской республики, Уголовный кодекс Российской федерации, преступление, состав преступления, вина, превентивное влияние.*

Livshits Jozef Maksovich,

doctor of law, professor, Tallinn technical University
Tallinn, Republic of Estonia

Influence of the criminal law on the crime

In Estonia, a code called Karistusseadustik (abbreviated as KarS) has been in force since 2002. Conceptually and in its normative aspect, it differs markedly from the criminal code of the Russian Federation. Comparing these two laws, we can see that the difference in understanding of such an important institution of criminal law as guilt plays a significant role for the topic under consideration. Nevertheless, the positivist view of the criminal law of the Russian Federation removes this distinction between the two national systems.

The question of the preventive impact of the law on crime can be considered in three aspects: customary law, legal innovations and knowledge based on professional culture.

The fact that ignorance of the law does not exempt from liability cannot be considered as a factor that excludes interest in the question of the direct impact of the criminal law on the crime. The first is important at the moment when a person is brought to justice. The second can play a preventative role by influencing a person's decision not to commit a crime for fear of being sanctioned by law.

Keywords: *criminal law, Criminal code of the Republic of Estonia, Criminal code of the Russian Federation, crime, offence, fault, preventive effect.*

Уголовное право – фундамент уголовной юстиции¹. Образуя основание для других частей комплекса (включая уголовно-исполнительное право, уголовно-процессуальное право, право оперативно – розыскной деятельности, криминология, криминалистика и др.) этот юридический феномен ограничен в возможностях непосредственного воздействия на объекты правовой защиты и запретов. Ожидания, адресованные уголовному праву, в первую очередь связаны с обозначением того, ради чего должна существовать вся уголовная юстиция. При этом исключать полностью способность уголовного права самостоятельно и непосредственно влиять на положение дел, связанных с преступностью, было бы тоже ошибочно. Для исполнения своей автономной роли уголовное право должно иметь возможность передавать объекту воздействия информацию о своих запретах и правовых последствиях за их нарушения, т. е. сообщать, что запрещено, как понимать запрет и что может быть, если запрет будет проигнорирован.

Реагировать на потребность противодействия преступлениям уголовное право, понимаемое как совокупность норм о преступлении и наказании, установленных законодателем, способно через реализацию принципа позитивности, т. е. признание того, что источником уголовного права является закон (по крайней мере, для семьи континентального права²).

¹ В публикации используется Уголовный кодекс Эстонской республики (Karistusseadustik, сокращенно – KarS), Эстония – место моего проживания. В то же время проводится сравнение норм, содержащихся в статьях данного кодекса с нормами, которые находятся в статьях УК РФ.

² Сравнимые кодексы двух государств имеют разную концептуальную основу. Об особенностях теоретической модели KarS см. [1–3].

Массовое, так сказать, естественно правовое сознание, содержит важную поддержку правового реагирования, оно способно существенно противостоять преступлениям, указывая на них, признавая их актами постыдными, этически осуждаемыми, но не может заменить собой законодательные решения. В силу своей размытости, фрагментарности, вариативности, а порою и беспринципности.

Далеко не все, что преступно с позиции законодателя, является таковым для понимания и мироощущения определенных локальных социумов, которые могут не только сомневаться в правильности установленного законом запрета, но и противодействовать ему. Чего стоит, например, распространение среди подростков уголовной субкультуры: с ее жаргоном, татуировками, песнями, а то и образом «героического» поведения, пронизанного культом грубой силы, с одной стороны, и взаимной поддержки «своих» (скажем, через «общаг»), – с другой? Не буду уже называть саму криминальную среду как факт самоочевидный. Во многих источниках отражено желание бизнес – сообщества декриминализовать ряд деяний, чтобы открыть более широкую дорогу для активизации бизнеса и в целом – большей либерализации экономики.

Уголовный закон содержит запреты и дозволения, выражающие государственное усмотрение. В силу такого своего свойства он должен навязывать общую волю, формулируемую законодателем, части общества, а тем более индивидуумам, занимающим другую позицию. Нормы закона должны адекватно отражать существующие запросы и высшие для всего общества интересы, учитывать а priori возможный вред от запрещаемых деяний. Эти нормы, чтобы воздействовать на адресатов в лице потенциальных или действительных преступников, должны быть подвластны воле и сознанию законодателя, его способности к правильному отражению вызовов социальной среды, быть справедливыми с точки зрения массового этического сознания, но в тоже время результативными, сформулированы грамотно, предметно и ясно.

С рассматриваемым вопросом связан принцип вины, у которого есть свои внешние и внутренние по отношению к сознанию и поведению субъекта ответственности [4].

Содержание этого принципа, охватывает факт наличия закрепленных в законе норм, знание о которых предположительно имеется у лица, совершившего деяние. Вина возникает тогда, когда субъективная реакция лица на известный (или предполагаемый) запрет выражается не в следовании его предписаниям, а в его игнорировании, за что и должна наступать ответственность.

Процесс применения правовой нормы изначально сталкивается с проблемой, может ли незнание закона быть обстоятельством, исключаящим вину. Бенедикт Спиноза еще в XVII веке сформулировал постулат, который признан и в современном праве: незнание закона не освобождает от ответственности (*Ignorantia non est argumentum*).

Было бы абсурдным признавать презумпцию незнания закона нарушителем и тем самым возложить на правоприменительный орган обязанность доказывать, что это лицо знало закон и, тем не менее, осуществило посягательство на охраняемые законом ценности. Формальная логика при таком подходе вступает в противоречие с реальной действительностью, показывающей, что задача в принципе не может быть простой и понятной. Знание правонарушителем закона нельзя проверить экзаменом по уголовному праву, хотя бы, кроме всего прочего, потому, что экзаменуемым будет двигать лишь интерес завалить такой экзамен.

Следовательно, ответ на вопрос, известен ли нарушителю закон, заменяется другим вопросом: почему это лицо не знает и не понимает запретного характера своего поступка?

Ответ на этот вопрос сводится к двум предположениям. Одно из них делает акцент на субъективной неспособности лица понимать происходящее. Другой – к характеристике положений уголовного закона.

Нельзя сказать, что закон совсем не учитывает возможность исключения вины из-за отсутствия у нарушителя знания запрета. Однако тут имеются ввиду не внешние по отношению к лицу препятствия, а субъективность лица, не позволяющая ему понять даже самую простую запретительную норму.

Речь может идти о редко встречающемся варианте, когда нарушитель оказался в положении несведущего лица по субъективным обстоятельствам, от него в данной ситуации не зависящим. Конечно, надо реагировать на возможность случаев столь существенного незнания и непонимания запретов, когда привлечение лица к ответственности за совершение им деяния должно быть исключено. § 39, ч. 1 KarS предусматривает этот случай, указывая, что вина лица отсутствует, если оно не осознает запрещенности своих деяний и это заблуждение является для него неизбежным. Кроме того, допускается и реакция на такое стечение обстоятельств, при котором заблуждение имеет место, но не является для лица неизбежным. Не исключая вины, закон разрешает последний вариант рассматривать как смягчающее обстоятельство при назначении наказания. Можно допустить, что под выше приведенную норму закона подпадают те, кто оказались во власти синдрома «Маугли» (при достижении возраста уголовной ответственности), а также лица с низким уровнем интеллекта без признаков психического расстройства (что позволяло бы признать их невменяемыми), но не физиологическое опьянение.

Не достаточно, чтобы запрет относился к субъективности нарушителя. Когда говорят, что человек виновен, имеют ввиду нечто большее, чем его субъективное отношение к содеянному. Если бы дело обстояло не так, тогда под запрет была бы поставлена возможность думать и переживать. Упор на субъективность здесь важен для исключения объективного вменения. Но вина – это симбиоз субъективного и поведенческого. Поведение –

один из достоверных способов узнавания о мыслях и переживаниях нарушителя. Поступок же всегда субъективен. Но при таком понимании вина не становится синонимом преступления (в отличие от вины как синонима субъективных признаков состава), поскольку охватывает и ряд обстоятельств, влияющих на назначение наказания. Кроме того, даже, если бы такое совпадение и существовало, то надо было бы учитывать акцент не на отношение к объекту посягательства, а на запрет, содержащийся в норме закона. В конце концов, если бы не этот запрет, умышленное лишение жизни другого человека на дуэли, содержащее все признаки состава, не было бы преступлением, а законодатель тем самым провозгласил бы, что ценность чести и достоинства он считает выше ценности человеческой жизни.

В российском уголовном праве давно и цепко закрепились позиция, признающая вину тождественной субъективным признакам состава преступления: умыслу или неосторожности (ч. 1 ст. 24 УК РФ). Тем не менее, делать из этого обстоятельство заключение, что российский закон в отличие от эстонского не придает значение осознанию лицом запрета, установленного нормой статьи кодекса, было бы ошибочно. Согласно ст 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Следовательно, для признания лица виновным необходимо учитывать не только его отношение к своему поведению, направленному на объект посягательства, но и тому, что соответствующими статьями закона этот объект охраняется, т. е. подобное деяние запрещено.

Не приходится удивляться тому, что уголовные законы двух государств, хотя и на основе разных концепций, признают существенную субъективную ущербность лица, совершившего деяние, обстоятельством, исключающим вину (ч. 1 ст. 28 УК РФ)

Подобно тому, как изображение черепа с перекрещенными костями на трансформаторной будке, не предполагает знание, почему проникновение вовнутрь этой будки может быть чревато летальным исходом, понятие «знание закона» включает в себя лишь сигнал об угрозе для нарушителя в виде грозящей ему санкции.

Не следует воспринимать требование знания закона как знания всех его деталей и нюансов. Они важны для характеристики состава преступления и квалификации деяния, применения наказания, а не для признания виновности лица. Вина не тождественна признакам состава преступления. Субъективные признаки охватывают отношение лица к совершенному им деянию и к его последствиям (в случаях и пределах, предусмотренных законом). Причем детали понимания сложившейся конкретной ситуации и отношения к ней играют существенную роль для применения закона. При установлении виновности лица важно несколько иное. Учет способности лица принять или не принять запрет, установленный законом, и то, что оно совершило свой поступок вопреки фиксации его запретного характера.

В последнем случае вполне достаточно общего представления о существующих запретах.

§ 17, ч. 3 KarS предусматривает, что незнание закона не исключает умысла и неосторожности. Вопросы, связанные с привлечением лица к ответственности, образуют систему, значительно более объемную, чем только вопросы состава преступления. В том числе туда входит и вопрос об известности лицу закона. Этот вопрос подлежит анализу в другой связи и эта связь не менее существенна, чем та, которая соотносима с признаками состава деяния. Не случайно § 56 ч. 1 KarS устанавливает такой высокий статус вины, как статус основания наказания. Но выше приведенное утверждение можно и перефразировать в обратном направлении. Наличие вины предполагает, что осуждаемый поступок должен содержать признаки состава преступления, а также, добавим еще один элемент: и противоправности.

Выстраивая схему любого человеческого поступка, мы неизбежно столкнемся с необходимостью включить в нее такие элементы, как отношение лица к поступку и его последствиям. Признаки состава деяния, если в этом возникнет нужда, можно использовать для анализа любого поведенческого акта, преступный он или нет, но этот акт признается преступным в силу признания совершившего его лица виновным на основании законодательного указания.

Нередко оценить реальное поведение как преступное пытаются и без учета уголовного права. Это может быть гневная реакция на какой-либо возмутительное поведение. Встречается такое и в качестве риторической фигуры речи для придания ей более экспрессивного звучания. Это понятие может использоваться для усиления эффекта воспитательного педагогического воздействия. В быту понятие преступления стало лаконичным синонимом плохого, даже очень плохого, поступка.

Приходится наблюдать и противоположную ситуацию. Шарль Морис де Талейран-Перигор в свое время заметил: то, что для обычной жизни считается преступлением, в отношении политика может расцениваться как ошибка [5]. Более, чем полтора века, прошедшие после появления этого язвительного высказывания, оказались наполненными многими событиями, которые сделали мнение князя Талейрана неувядаемым. Востребованность уголовного права как раз и состоит в том, что заявляет о себе нужда в научно обоснованном, законодательно санкционированном или выработанном понимании, которое исключало бы его расплывчатую метафоричность.

Преступление как объект распознавания нас интересует в двух аспектах. Оно есть реальное виновное поведение, которое вынуждает применять к нарушителю запретов меры государственного противодействия. В то же время оно представляет собой юридическую конструкцию, обозначающую признаки названного поведения.

В законе важно иметь указания на то, что:

- поведение лица должно считаться таким отклонением от признанных в обществе норм, которое позволяет признать его поведение причиной государственного противостояния с использованием уголовного права;
- поведение содержит признаки состава преступления, закрепленные в статье закона, по которой должна быть произведена квалификация деяния и уточняющих положений Общей части УК;
- учету подлежат не только признаки состава, но и те, которые могут повлиять на смягчение или усиление наказания;
- обстоятельства, исключающие противоправность деяния и вину, не позволяют считать деяние преступлением, хотя формально в нем содержатся признаки состава;
- исследуемое поведение относится не к категории административного деликта или иного правонарушения, а считается преступлением.

Рассматривая способность уголовного права противостоять преступлениям путем информирования лиц, их совершивших или собирающихся пойти по преступному пути, приходится различать несколько ситуаций.

Уголовное правосознание напрямую коррелирует с обычным правом и его этической, а также религиозной основой. Для того, чтобы знать о запретах убивать, калечить, насиловать, красть, разбойничать, давать и получать взятки, нет необходимости знакомиться с уголовным законом. Оно и так понятно, даже в тех исключительных случаях, когда локальные обычаи допускают запрещаемый законом поступок, скажем – вендетту.

В одной из тематических телевизионных программ по российскому каналу РТР «Планета», посвященной цыганам, артист театра «Ромэн» рассказал, как от кого-то из своих соплеменников получил вопрос, случалось ли ему воровать? Когда же артист ответил отрицательно, то в ответ услышал, что цыган должен воровать, иначе он не цыган. Если такому суждению поверить, то все равно в решении интересующего нас вопроса ничего не изменится. Ведь украсть – это, как понятно, не то же самое, что получить вещь в подарок, что всегда известно вору, который сам себя считает таковым. Такие нормы обычного права сложились и присутствуют в массовом сознании, а то, что их ряд закреплен в уголовном законе, является фактором вторичным.

Несколько иная реальность для узнаваемости правовых запретов создается тогда, когда они отражают актуальные вызовы со стороны объекта правового воздействия. Какое-то негативное явление, ранее не объявленное запретным, получает распространение и становится очевидным наносимый им вред. Возникает законодательная инициатива, следствием которой становится добавление в уголовный закон новой нормы. Чаще всего это событие не проходит мимо внимания СМИ и, благодаря им, нововведение приобретает широкую известность. В такой ситуации приходится ограничиться предположением, что человек имел возможность получить

информацию о новой норме разными путями, в том числе не только из СМИ, но и из общения с другими людьми.

Кроме того, должно быть известно, что все изменения и нововведения в Уголовный кодекс без каких-либо исключений публикуются в государственном вестнике, после чего они, как правило, по истечении определенного срока вступают в законную силу. Никакой уровень секретности не должен быть позволителен, так что любой интересующийся данным вопросом может получить полную информацию на электронном или бумажном носителе.

Третий вариант оказывается самым проблемным. Целый ряд норм Уголовного кодекса, находящихся, как в его Общей части, так и Особенной, настолько специфичен, что для узнавания нуждается в особом интересе к нему.

Тут могут возникнуть проблемы, как самого общего, так и особенного характера.

Скажем, не осведомленность о том или ином запрете закона из-за незнания языка, на котором опубликован его официальный текст. Для Эстонии такая проблема особо актуальна из-за того, что для трети населения родным является иной язык, чем тот, что считается государственным, а законы издаются только на последнем. Решение проблемы теоретически возможно путем публикации нормативных актов как на эстонском, так и на русском языке, которым владеет, учитывая прошлое четвертьвековой давности, значительная часть людей, о которых идет речь. Практически же решение вопроса законодателем не происходит из-за соображений политического и финансового порядка.

Девиационное, т.е. отклоняющееся от признанных большинством норм, поведение, способно иметь разный градус отклонения. Чтобы считаться преступлением, оно должно обладать характеристиками, названными в законе. К числу вопросов общего порядка, вызывающих особые трудности в узнавании закона, относится и такой, как разграничение преступления и проступка. Виновный не всегда способен провести четкую грань этих различий, поскольку сам законодатель меняет свою позицию (как это имело место при изменении взгляда на то, считать ли мелкую кражу преступлением или проступком). Что касается действующего закона, то в нем есть то, над чем приходится думать. Без этого узнавание запрета на низком уровне восприятия становится проблематичным.

В § 3, ч. 3 и 4 KarS приводятся такие формулировки понятий преступления и проступка:

– Преступлением является виновное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, за совершение которого в качестве основного наказания для физического лица предусмотрено денежное взыскание или тюремное заключение, а для юридического лица – денежное взыскание.

– Проступком является виновное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом или иным законом, за совершение которого в качестве основного наказания предусмотрены штраф, арест или лишение права управления транспортными средствами.

Как видно из приведенных определений, критерием для отличия преступления от проступка считаются санкции параграфов Особенной части кодекса. Однако, оказывается этот способ разграничения не абсолютен. Допускается и такой вариант, когда в параграфе Особенной части нет указания на санкцию, относящуюся к проступку, а диспозиция для преступления и проступка является идентичной. § 3, ч. 5 KarS предлагает, если лицо совершит деяние, соответствующее составам проступка и преступления, то лицо наказывается только за совершение преступления. Если наказание за преступление не назначается, то лицо может быть наказано за совершение проступка. Иначе говоря, допускается решение вопроса о разграничении не законодателем, а судом. Кроме того, считаясь не с санкцией, а диспозицией параграфа. Законодатель тем самым не столько расписывается в своем бессилии отделить преступление от проступка, применяя ранее сформулированный «санкционный» критерий, сколько признает, что из правила возможны исключения, а палитра красок жизни разнообразнее того, что может предложить закон. Но вопрос о том, какой посыл законодатель в этом случае направляет объекту воздействия, остается без ответа.

Рассматриваемый сейчас вариант в его более конкретных проявлениях поворачивает тему в сторону вопроса о соотношении особых усилий и субъективных ресурсах, наличествующих у лица, признаваемого виновным в совершении преступления. Уголовный кодекс содержит не малое число соответствующих данной ситуации норм.

Возьмем для примера §195 KarS: Склонение к использованию допинга.

Он предусматривает ответственность за прописывание лекарственного средства для использования в качестве допинга при занятии спортом, а также склонение к использованию лекарственных средств в качестве допинга либо его передача для введения в организм в качестве допинга

Понятно, что сложности узнавания этой нормы связаны не с перечисленными в ней действиями, а с самим предметом допинга. Перечень препаратов, относящихся к допингу, постоянно меняется и даже опытным медикам, тренерам и спортсменам не всегда удается уследить за нововведениями, о чем говорит нашумевшая история о неожиданном признании WADA препарата meldonium допингом с 1 января 2016 года.

То обстоятельство, что незнание закона не освобождает от ответственности, не может рассматриваться как фактор, исключаящий интерес к вопросу о непосредственном влиянии уголовного закона на преступление. Первое важно на момент, когда лицо привлекают к ответственности. Второе

может играть свою предупредительную роль, повлияв на решение лица не совершать преступления из-за боязни санкций, предусмотренных законом.

Библиографический список

1. Sootak J. Karistusõiguse-alused. Tallinn. Juura, 2003.
2. Ulfrid Neumann. Der Aufbau der Straftat. Anmerkungen aus Anlass des neuen estnischen Strafgesetzbuchs // 2Nullum jus 177sine scientia. Juura, 2008. S. 177–191.
3. Лившиц Ю. Реформа уголовного права Эстонии: виновное деяние и его состав // Юристъ. Правоведь. 2005. № 3. С. 30–40.
4. Лившиц Ю. Преступление как виновное деяние: состав, противоправность, вина. Курс лекций / Социально-гуманитарный институт. Таллинн, 2004. С. 213–217.
5. Талейран-Перигор Ш. М. де // Цитаты известных личностей. URL: ru.zitaty.net/autory/sharl-moris-de-taleiran-perigor.

УДК 343.988

Майоров Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
ab_majorov@mail.ru

Виктимологическое обеспечение национальной безопасности

В статье рассмотрено понятие безопасности, используемое в научном обороте и законодательной технике. Проанализированы существующие точки зрения относительно конструкции понятия «безопасность», а также представлено новое направление в обеспечении национальной безопасности – виктимологическое. Обозначены позиции ведущих ученых относительно виктимологического обеспечения безопасности. Определены объекты такого вида безопасности и высказано авторское определение относительно виктимной безопасности личности.

Ключевые слова: безопасность, виктимность, национальная безопасность, виктимологическое обеспечение безопасности, сферы безопасности.

Majorov Andrey Vladimirovich,
candidate of law, associate professor, Chelyabinsk state University,
Chelyabinsk, Russian Federation
Victimological provision of national security